

так и Канадской федераций имеются не только существенные различия, но и некие общие черты. Взаимное обогащение опытом государственного строительства пойдет на пользу обеим демократиям, сталкивающимся с угрозой дезинтеграционных процессов.

Список литературы

1. Гусейнов Э. «Сепаратисты всех стран, равняйтесь на Квебек» / Э. Гусейнов // Известия, 1995. – 1 ноября.
2. Коленеко В. А. Французская Канада в прошлом и настоящем: очерки истории Квебека. XVII–XX вв. / В. А. Коленеко. – М. : Наука, 2006. – С. 179, 203, 204, 217.
3. Большая российская энциклопедия. – М. : Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2004. – С. 9, 856, 858.
4. Конституция Российской Федерации. – Статья 5. – Пункт 2.
5. Канада // Большая российская энциклопедия. – М. : Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2008. – Т. 12. – С. 678.
6. Тишков В. А. Канадцы / В. А. Тишков // Большая российская энциклопедия. – М. : Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2008. – Т. 12. – С. 696–697.
7. Стурюа М. Впереди третий тайм. Послесловие к референдуму в Квебеке / М. Стурюа // Известия. – 1995. – 4 ноября.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО СОСТОЯНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ПРОСТРАНСТВА В РОССИИ

Е.М. Дринова
(Россия, г. Волгоград)

В статье анализируются причины неустойчивого состояния религиозного пространства. В числе основных причин рассматриваются: экономическая нестабильность, низкий уровень жизни, отсутствие гражданского общества, этноконфессиональные конфликты, глобализация, терроризм. Предлагается авторская концепция существования устойчивого состояния религиозного пространства.

Ключевые слова: конфессиональные деструкции, исламофобия, миграционные процессы, контрмиграция, этнотолерантная доминанта, устойчивое состояние религиозного пространства.

In article the reasons of an unstable condition of religious space are analyzed. Among principal causes economic instability, a low standard of living, absence of a civil society, ethnoconfessional conflicts, globalization terrorism are considered. The author's concept of existence of a steady condition of religious space is offered.

Key words: confessional destruction, Islamophobia, migratory processes, counter migration, the ethnotolerant dominant, a steady condition of religious space.

Участие религии в современном политическом процессе является настолько очевидным и часто обсуждаемым в свете этноконфессиональных проблем, как в странах Западной Европы, так и в России, что обращение к этой проблеме с позиций определения степени ее влияния, роли и места в жизни общества, несомненно, является актуальным. В исторической ретроспективе активное вторжение религии в мир политики всегда приводило к общественным подвижкам и новому качеству, зачастую неустойчивого состояния религиозного пространства. В современном мире, как нам видится, неустойчивое состояние религиозного пространства обусловлено целым рядом факторов, таких как экономическая нестабильность, низкий уровень жизни.

Усугубили эту проблему процессы глобализации. Суть проблемы заключается в том, что глобализация привела к экономической и политической интеграции мирового сообщества, а его религиозные и этнические компоненты оказались, в силу своей исторически обусловленной устойчивости, неподвластны этим процессам и явились фактором напряженности. Глобализация, и как одно из ее следствий, усиление религиозной и этнической напряженности обозначили несколько векторов неустойчивого состояния религиозного пространства как в мире в целом, так и в России в частности. Первый вектор – конфессиональные деструкции как фактор неустойчивого состояния религиозного пространства. Второй вектор – миграционные процессы, рост этниче-

ской напряженности, национализм. Третий вектор – исламофобия и процессы контрмиграции. Остановимся на этих положениях подробнее.

Первый вектор – конфессиональные деструкции как фактор неустойчивого состояния религиозного пространства. В свое время, реакцией на модернизацию общества стал рост этноконфессиональных конфликтов, многие из которых до сих пор не разрешены. В начале XXI в. крайней формой протеста со стороны радикально настроенных адептов ислама стала международная террористическая деятельность. Исследованию конфликтогенной природы терроризма и его последствий на государственном и региональном уровне посвящены работы западных и российских исследователей [1, 2, 3, 4]. Но, к сожалению, для мирового сообщества и для России проблема терроризма так и остается одной из неразрешимых проблем современности.

Нам представляется, что такая неадекватная реакция на процессы модернизации, а в дальнейшем глобализации, либерализации и демократизации мирового сообщества, в определенной мере является закономерной. Она определена исторической реальностью – действием основного закона сосуществования этносов – это разделение на своих и чужих. Нас и их отделяет друг от друга многое: язык, культура, обычаи, религия, закон, который у одних основан на шариате, а у других на принципах демократии. Спустя какое-то время всплеск религиозного экстремизма стало сложно идентифицировать с каким-либо народом, так как он вышел за национальные рамки и стал надгосударственным явлением.

Второй вектор – миграционные процессы, рост этнической напряженности, национализм. В 1960-е гг., когда страны Западной Европы открыли свои границы для мигрантов, как источника дешевой рабочей силы, то никто не мог и предположить, что реакцией на эти процессы станет формирование ультрарадикальных националистических организаций. Приток мигрантов, которые не желали адаптироваться к новым условиям проживания в принявшей их стране, вызывает неоднозначную реакцию со стороны коренного населения, как граждан Западной Европы, так и России. Оказалось, что концепты мультикультурализма, которые должны были способствовать интеграции различных народов и культур в гармонично развивающееся общество будущего, стали весьма проблематичными, а современные концепты миграционной политики стран Западной Европы оказались несостоятельными.

К сожалению, приходится констатировать, что в современном мире миграционные процессы стали фактором этнической напряженности. В результате в начале XXI в. в странах Западной Европы и России начался активный рост националистических организаций и партий. В России активно действующей националистической организацией было Движение против нелегальной миграции, которое не раз выступало организатором межэтнических столкновений в Москве. В апреле 2011 г. деятельность радикальной националистической организации была запрещена. Партия Национальный Фронт во Франции (Front National – FN) выступает за прекращение миграции из неевропейских стран и ужесточение требований при получении гражданства. По мнению лидеров партии, гражданином Франции может стать тот мигрант, который принимает духовные ценности, обычаи, язык и принципы, образующие основу французской цивилизации. Так, например, во Франции накануне президентских выборов в 2012 г. лидер этой партии пользуется большей популярностью, чем действующий президент Франции.

Третий вектор – исламофобия и контрмиграция. Своеобразной реакцией на исламизацию традиционно христианской Западной Европы со стороны определенной части ее коренного населения стал рост исламофобии, чувства страха перед тотальным распространением ислама на традиционно христианских территориях. Исламофобия сопровождается так называемыми процессами контрмиграции, которые имеют религиозную составляющую. Понятие «контрмиграция» обозначает полный запрет на миграцию мусульман или ужесточение требований к мигрантам-мусульманам при получении ими гражданства. Что же касается России, то всплеск исламофобии (например, в Москве) вызван террористическими актами адептов ислама. Рост исламофобии в России сопровождается усилением деструктивных националистических проявлений в обществе.

В последнее десятилетие националистические партии все активнее используют в политической борьбе с демократическими правительствами религиозный фактор. *Вообще лидеры европейских националистических партий* требуют ввести запрет на миграционные процессы, обусловленные религиозной (исламской) составляющей. Так, Антиисламская партия свободы в Голландии ставит одной из своих приоритетных задач – запрет на миграцию мусульман. Националисты Западной Европы выступают против строительства исламских мечетей, как символа политического ислама, требуют запрета на ношение традиционной для мусульманки одежды – паранджи. Обозначенные выше процессы способствуют повышению уровня этнической и конфессиональной напряженности в обществе, что, несомненно, приводит к трансформации и неустойчивому состоянию традиционного религиозного пространства со всеми вытекающими из этого последствиями.

Здесь возникает вопрос: каковы перспективы формирования концепции устойчивого состояния религиозного пространства? В этой связи следует вновь обратить внимание на гуманистические традиции мультикультурализма. Так, если в XX в. эти идеи некоторое время выступали методологической основой для концепции устойчивого состояния религиозного пространства, то на рубеже XX–XXI вв. эти идеи, несомненно, нуждаются в переосмыслении.

Мы полагаем, что для начала необходимо проследить генезис религиозной и этнической напряженности в социуме, затем определить параметры напряженности в отдельно взятой стране в определенный период времени. Междисциплинарный характер исследования акцентирует необходимость использования, как исторических методов, так и политологических. Методологически ценным является то, что выявление генезиса этноконфессиональной напряженности дает возможность анализировать проблемы в современном мире в различных странах в позиции этнос – конфессия. Бинарный анализ, когда один и тот же материал рассматривается в конфессиональном и этническом планах, является весьма эффективным для выработки политической стратегии государства, направленной на становление устойчивого состояния религиозного пространства как фактора политической стабильности.

Применительно к нашей стране это означает, что в рамках политической науки должна быть разработана концепция устойчивого состояния религиозного пространства, мыслимого как пространство с доминантой этнотолерантности. Это залог устойчивого развития конструктивных этноконфессиональных отношений в России. Однако эта тема является весьма дискуссионной и ее решение затруднено рядом факторов. Во-первых, в советский период не существовало в острой форме как таковых этнических, как, впрочем, и религиозных проблем. Был, так называемый единый «советский народ», сплоченный ценностями социалистической системы. Во-вторых, большая часть граждан Советского Союза была воспитана в атеистическом духе. В современной России ситуация в принципе иная и этноконфессиональные проблемы, всплеск национализма, исламофобии и терроризма – явление новое для страны.

Международный терроризм представляет реальную угрозу для существования устойчивого состояния религиозного пространства. Рассмотрим, как выглядит в настоящее время законодательное решение этой проблемы. Попытки исключительно правового регулирования проблемы имеют место в антитеррористическом законодательстве многих стран мира. Первым таким документом стал «Акт патриота США 2001 г.». Закон о борьбе с терроризмом был принят через шесть недель после трагических событий в Америке 11 сентября 2001 г.

В законе дается понятие «внешний» и «внутренний» терроризм. «Акты терроризма, совершаемые с пересечением государственных границ, отнесены к "федеральным преступлениям, связанным с терроризмом" и включены в круг уголовно наказуемых деяний. Внутренний терроризм означает "деятельность, которая включает акты, представляющие угрозу для человеческой жизни, которые являются нарушением уголовных законов Соединенных Штатов или какого-либо штата; выглядит направленной на запугивание или принуждение гражданского населения; оказывает влияние на политику какого-либо правительства посредством запугивания или при-

нуждения его к противоправной деятельности» [5]. В законе оговаривается возможность разыскивать лиц, подозреваемых в терроризме, используя Интернет. Закон усилил меры безопасности на воздушном транспорте и предоставил полномочия для снятия с рейсов и ареста людей при условии, что их действия представляют опасность.

Великобритания, в отличие от США, имела предварительный богатый опыт по созданию антитеррористического законодательства. В свое время религиозный конфликт в Ирландии привел к созданию в стране системы мер по борьбе с терроризмом. В 1989 г. был принят ирландский «Закон о противодействии терроризму». Однако, после того как в объединенном королевстве возникла угроза международного терроризма, в 2000 г. было разработано новое антитеррористическое законодательство. Оно было направлено на предотвращение конкретных правонарушений, которые могли привести к совершению терактов, признав незаконной деятельность организации Аль-Каиды. В 2001 г. в британском законодательстве было закреплено право бессрочного ареста с последующей депортацией иностранных граждан, подозреваемых в причастности к террористической деятельности.

Позднее, в 2005 г., были пересмотрены спорные положения закона и отменена такая мера пресечения для подозреваемых в терроризме, как заключение под стражу без предъявления обвинения. Эта норма британскими судьями была признана как нарушающая права человека. В 2006 г. в антитеррористическое законодательство были внесены новые изменения. Была установлена ответственность за правонарушения, связанные с подстрекательством к терроризму, обучением террористов и подготовкой террористических актов. Положения нового закона стали едиными для британских подданных и для граждан иностранных государств [6].

В России антитеррористическое законодательство основывается на принципах и нормах международного права. В законе «О противодействии терроризму» дано широкое определение терроризма. Терроризмом является не только «практика воздействия на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанная с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий», но и «идеология насилия» [7]. В законе говорится о недопустимости политических уступок террористам. Вместе с тем, закон допускает применение Вооруженных Сил Российской Федерации для пресечения террористических акций и разрешает уничтожение наземных, воздушных и морских судов, в случае если они были захвачены террористами и используются ими для проведения террористических акций.

В целом, международный и российский опыт нормативно-правового регулирования по пресечению антитеррористической деятельности можно резюмировать следующим образом: приоритетной задачей выступает предупреждение терроризма, борьба с пропагандой терроризма в печатных изданиях и в интернете; депортация граждан, подстрекающих людей к религиозной ненависти. Так, общей чертой в антитеррористическом законодательстве США, стран Западной Европы и России является то, что террористическая деятельность является недопустимой, в силу чего она должна жестко пресекаться. Однако, как показала практика, попытки решить проблему только путем нормативно-правового регулирования очевидно нельзя. Впрочем, как нельзя решить эту проблему и исключительно силовым путем.

В современных условиях необходим комплексный подход к разработке концепции, направленной на формирование устойчивого состояния религиозного пространства, с доминантой этнотолерантности в России. Следует отметить, что до сих пор в политологии проблема так не ставилась и не рассматривалась. Вообще в политологии нет подобных формулировок. В обосновании концепции следует исходить из того, что основу неустойчивого состояния религиозного пространства составляют следующие факторы: экономические и политические кризисы, этноконфессиональные конфликты, терроризм, глобализация, миграционные процессы.

В качестве ориентиров концепции устойчивого состояния религиозного пространства в России должен быть положен ряд принципов и четыре блока практик. Справедливости ради необходимо отметить, что во Всеобщей декларации прав чело-

века утверждается, что «каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии, что предполагает свободу и выбор в религиозных убеждениях, свободу в исповедовании религии как единолично, так и вместе с другими» [8, с. 180]. Западно-европейский и российский опыт в конфессиональной сфере может быть обобщен в следующих принципах: *первый принцип*. Равенство перед законом конфессий; *второй принцип*. Отказ от конфронтационного мышления и формирование толерантного мышления в этнической и конфессиональной сферах; *третий принцип*. Формирование взаимной терпимости и уважения между различными политическими движениями, представляющими взгляды адептов различных конфессий; *четвертый принцип*. Диффамация религии. Уважение прав всех религий и религиозных объединений; *пятый принцип*. Отделение церкви от государства. Деятельность государственной власти не должна сопровождаться публичными религиозными обрядами и церемониями. Должностные лица органов государственной власти не вправе использовать свое служебное положение для формирования того или иного отношения к религии; *шестой принцип*. Конструктивное участие религии в политическом процессе. Деятельность политических религиозных объединений и партий, представляющих взгляды религиозного электората.

Дифференцированное применение принципов обусловлено разнообразием моделей государственно-религиозного взаимодействия. Четвертый принцип вызывает неоднозначную реакцию в самом политическом мире. Многие политологи и религиоведы считают, что он противоречит нормам демократии. Диффамация запрещает критику религии как социального института. Действие пятого принципа возможно только в светских государствах. Действие шестого принципа характерно для стран Западной Европы, однако в настоящее время оно противоречит законодательству России. Так, например, действие шестого принципа осложняется тем, что сегодня мировое сообщество не готово допустить на политическую арену исламские партии. Безусловно, действие этих принципов играет чрезвычайно важную роль в формировании концепции. Однако их применение не является универсальным и носит исключительно рекомендательный характер.

Основу концепции устойчивого состояния религиозного пространства с доминантой этнотолерантности составляют, как нам кажется, четыре блока практик: первый блок – нормативно-правовой; второй блок – превентивный образовательный; третий блок – психологический, направленный на трансформацию деструктивного проявления в конфессиональной и этнической сферах; четвертый – социально-экономический. *Первый практический блок* – нормативно-правовой. Его основу составляет реализация системы международного и государственного права, а также субъектов права Российской Федерации. Сразу отметим, что это сфера в компетенции юриспруденции.

Второй практический блок – превентивный образовательный. Основной задачей образовательного блока является формирование толерантного мышления в молодежной среде. Формирование религиозного пространства с доминантой этнотолерантности – это длительный процесс, основу которого могут составить образовательные методики, включенные в практику средней и высшей школы. В современных условиях, усложненных активными миграционными процессами, внедрение в систему среднего и высшего образования программ, направленных на изучение этносов и конфессий, носит рекомендательный характер. Вместе с тем, молодые люди обязаны иметь представление о наличии в современном обществе этнического и конфессионального многообразия существующего в мире, основных тенденциях и формах его развития. Введение образовательных курсов по этнологии и изучению мировых религий, несомненно, будет способствовать формированию толерантного мышления в молодежной среде.

Третий практический блок – психологический. Действие этого блока направлено на трансформацию в позитивном направлении деструктивных проявлений в определенной этноконфессиональной среде в отдельно взятом регионе. В первую очередь, речь идет о республиках Северного Кавказа. В этом регионе существует так называемая группа риска, которую составляют молодые люди. В основном это молодежь, прошедшая военную подготовку в армии, и молодые женщины. Отсутствие

стабильного заработка, безработица делают эту группу наиболее уязвимой для работы и в дальнейшем для подготовки к террористической деятельности. В группу риска входят потенциальные и реальные возможные исполнители террористических актов на территории России. Работу с группой риска должны проводить только профессиональные психологи и врачи психотерапевты. В качестве действенной методики могут выступать психотерапевтические практики, посредством которых снимаются деструктивные проявления этнического и конфессионального характеров.

Четвертый блок – социально-экономический. Проблема социального и экономического развития России, формирования достойного уровня жизни не в отдельно взятом регионе, а во всей стране требует времени и больших финансовых вложений. Это сфера деятельности правительства, а также федеральных, региональных и муниципальных структур, отвечающих за социальную и экономическую сферы. Одним из залогов устойчивого состояния религиозного пространства в России является наличие действующих институтов гражданского общества, повышение уровня экономической стабильности, потенциальный рост среднего класса и традиционная толерантность мышления граждан в этноконфессиональной сфере. Обозначенные выше четыре блока практик выступают в качестве ориентиров в формировании концепции устойчивого состояния религиозного пространства.

Реализация практического потенциала концепции должна осуществляться на государственном, региональном и муниципальном уровнях вне зависимости от параметров этноконфессиональной напряженности или состояния этноконфессиональной стабильности, существующей в различных регионах России. Действие концепции устойчивого состояния религиозного пространства с доминантой этнотолерантности должно распространяться на территории всей страны. Следует отметить, что правительство России предпринимает определенные меры в этом направлении. Так, в отдельных регионах на муниципальном уровне разрабатываются программы по внедрению в учебные курсы занятий по этнологии, проводятся региональные и международные конференции, направленные на формирование толерантности в молодежной среде. Позитивным является опыт муниципальных структур Санкт-Петербурга. Несомненно, такой опыт нуждается в осмыслении, в дальнейшем усовершенствовании и распространении во всех регионах России.

Список литературы

1. **Воронцов С. А.** Исламский радикализм как угроза национальной безопасности современной России / С. А. Воронцов // *Философия права*. – 2008. – № 2.
2. **Заказникова Е. П.** Сепаратистское движение в индонезийской провинции Ириан Джая: Юго-Восточная Азия в 2001 г. / Е. П. Заказникова // *Актуальные проблемы развития*. – М., 2002.
3. **Кепель Ж.** Джихад: экспансия и закат исламизма / Ж. Кепель. – М.: Ладомир, 2004.
4. **Ольшанский Д. В.** Психология терроризма / Д. В. Ольшанский. – СПб.: Питер, 2002.
5. **Власихин В. А.** «Патриотический акт»: юридический анализ / В. А. Власихин. – Режим доступа: <http://www.agentura.ru/dossier/usa/zakon-antiterror>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. **Сравнительный анализ законодательства:** Россия, США и Великобритания. – Режим доступа: <http://studies.agentura.ru/tr/presscoverage/compare>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. **Федеральный закон Российской Федерации** от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». – Режим доступа: <http://www.zakon.ucoz.net/5-1-0-156>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. **Права человека**: сб. международных документов. – М.: Политическая литература, 1990. – С. 180.